

Ударение множественного числа имен с показателем *-ān* в парачи и его связь с праиранской акцентуацией

Парачи является одним из иранских языков, которые сохраняют рефлекс праиранского ударения, в целом наследующего индоевропейскому. В. А. Ефимов заметил для парачи акцентуационное распределение при образовании форм множественного числа существительных с формантом *-ān*: некоторые имена во множественном числе имеют ударение на основе, а некоторые – на окончании, причем такая ситуация характерна и для унаследованных, и для заимствованных основ. В статье в ходе анализа всего доступного материала делается предположение о том, что данное распределение подчиняется следующим правилам: унаследованные основы в зависимости от того, относились ли они к баритонезе или окситонезе в праязыке, соответственно имеют вариант с ударением на основе или на окончании *-ān*. В случае с заимствованиями установить точное правило не так легко, но к ударению на основе тяготеют слова с исходом на согласный вне зависимости от места ударения, а ударение на окончании *-ān* обычно имеют заимствованные существительные, заканчивающиеся ударным гласным. В результате в языке парачи выявлено 9 унаследованных слов с ударением на основе во множественном числе, а также 10 слов с ударением на окончании в аналогичных формах. Таким образом, несмотря на утрату следов праиранского ударения в формах единственного числа, во множественном числе в парачи исторически баритонированные существительные имеют ударение на основе, а окситонированные – на окончании.

Ключевые слова: язык парачи, праиранское ударение, окситонеза, баритонеза, акцентуационное распределение.

Как было установлено благодаря многочисленным исследованиям, наиболее важными из которых являются работы Г. Моргенштерне (Morgenstierne 1942; 1973; 1983), В. А. Дыбо (Дыбо 1972; 1974; 1989) и В. А. Ефимова (Ефимов 1979; 1985; 1986; 1997), рефлекс праиранского ударения лучше всего сохраняются в ряде восточноиранских языков, а именно в афганском, йидга и мунджанском, в ормури и парачи.

Наиболее последовательно сохраняется система ударения в пушту: исторически двусложные и трехсложные словоформы делятся на *oxytona* и *barytona* в соответствии с делением, наблюдаемым в ведийском и других индоевропейских языках, а производные слова, прежде всего на **-ka*, имеют систему акцентовки «по контрасту»: произошедшие от баритонированных основ становятся окситонированными и наоборот. Подробно эта система описана для именных форм в статье Дыбо 1974, для глагольных – во второй ее части (Дыбо 1989).

Несмотря на сохранение места ударения в целом в ряде именных и глагольных основ и производных именах, базовые двусложные окситонированные основы в ормури и особенно парачи обычно утрачивают первоначальную окситонезу, ср. Ефимов 1985: 49–50; Ефимов 1986: 127.

Но при этом в языке парачи есть любопытная особенность в образовании множественного числа имен, которая, как представляется, может указывать на более древнее распределение. Различие в ударении основ парачи, от которых образуется множественное число с формантом *-ān*, было отмечено и описано В. А. Ефимовым в работах Ефимов

1997; Ефимов 2009. Здесь уместно привести полностью его рассуждение относительно причин наблюдаемого распределения:

«Показатель множественного числа *-ān* восходит к окончанию род. п. мн. числа у основ на **-a*, **-ā*, т. е. к ир. **-ānām*. Происхождение двух контрастных вариантов *-ān* не вполне ясно. Сам факт существования этих вариантов, казалось бы, служит доказательством того, что в архаичном состоянии языка парачи (как и ормури, см. Ефимов 1985; 1986, 107–111, 125–138) наличествовало разноместное ударение типа ведического и что разная акцентировка данного показателя является отражением ударного и неударного прототипа (т. е. соответственно **-ānām* и **'-ānām*) наподобие того, который засвидетельствован в древнеиндийском у *a*- и *ā*-основ (Whitney 1879, 110–111, 121, 128–129; Елизаренкова 1982, 225, 227–228). Возможно, что именно к этим истокам и восходят акцентные варианты *-ān* в парачи (вопреки акцентологическим представлениям Г. Моргенштерне о количественной по своему характеру природе ударения в диалекте – предке парачи (IFL I, 30–32), которые в данном случае не могут быть применены). Однако дистрибуция этих акцентных вариантов в современных именах существительных – причем не только исконных, но и заимствованных, в том числе и довольно поздних, – не поддается объяснению и, во всяком случае, не связана с конкретными лексемами-этимонами праязыка» (Ефимов 1997: 479–480).

Тем не менее, как представляется, изначальное распределение основ с ударным и безударным формантом *-ān* в парачи, затрагивающее унаследованные лексемы, можно свести именно к древней дистрибуции баритонированных и окситонированных основ. Соответственно, множественное число окситонированных основ ожидаемо должно давать ударный формант *-ān* < **-ānām*, а множественное число баритонированных основ – безударный вариант *-ān* < **'-ānām*. В представленном далее списке будут разобраны все лексемы с ударным и безударным формантом множественного числа *-ān*, приведенные В. А. Ефимовым в работах Ефимов 1997: 479; Ефимов 2009: 38, а также случаи с колебанием в ударении. Все рассматриваемые слова будут поделены на имеющие надежную иранскую и индоевропейскую этимологию, на слова с неясной этимологией и явные заимствования.

Ударный формант *-ān*

Собственные слова парачи

1. *xi*, pl. *xiyān* ‘сестра’ < праир. **hwāhī-* ← **hwāhar-*

Очевидно, что данное слово так или иначе восходит к архаической баритонированной основе **hwāhar-*, но детали не до конца ясны. Г. Моргенштерне под вопросом дает реконструкцию **hwāhī-* (заместившую **hwahā-*) (IFL-1: 298), она же приводится в «Этимологическом словаре иранских языков» (ЭСИЯ-3: 434). Другой реконструкции придерживается В. А. Ефимов, возводящий пар. *xi* напрямую к **hwāhā*, им. п. ед. ч. от **hwāhar-* через промежуточный этап **wāhā* или **wāwā* (Ефимов 1997: 441).

Если говорить про засвидетельствованную в парачи форму, *x-* является закономерным развитием ир. **hw-* и **x^v-*: в качестве примера можно привести такие слова, как **xar-* ‘есть, пить, принимать пищу’ < **x^vāra-* ‘есть, принимать пищу’ и *xō / xo* ‘сам; себя’ < **x^vātah* (Ефимов 1997: 457). Соответственно, начальный согласный не сопряжен с проблемами.

При этом развитие гласного требует более развернутого комментария. В. А. Ефимов считает, что реконструируемая им праформа **hwāhā* трансформировалась в **wāhā* или

*wáwǎ- (Ефимов 1997: 441). Первая форма представляется маловероятной, поскольку *ǎhǎ, по формулировке самого В. А. Ефимова, сохраняется в таких случаях, как mahók ‘луна’ < *mahákā- < *mahakā- с контрастным ударением по отношению к баритонированной тематической основе *máha-, ср. др.-инд. mása- (RV+) ‘луна’ наряду с máś- [maas] ‘луна’ (существование именно этой основы подтверждается для иранских благодаря бактр. мао, маво ‘месяц (период времени)’ < *máha- и, возможно, вах. тыу ‘месяц’ < *máh(a)-, хотя значение не совпадает) и sahók ‘заяц’ < *śāhāka- < *śāhakā-, предполагается непосредственное происхождение последней основы от *śāha- ‘заячий’, ср. др.-инд. śāśa- ‘заячий’ при śāśá- ‘заяц’ (Ефимов 1997: 437); закономерная баритонеза для обозначения ‘зайца’ наблюдается в производных женского рода афг. soy, f. sóya, диал. sówa ‘зайчиха’ < *śāhakā- ← окситонеза *śahá- (NEVP: 77). Еще один вариант трактовки форм наподобие sahók в отношении суффикса – предположение о вторичном характере -k в словоформе (в разных случаях в суффиксах *k отражается в парачи по-разному: как k, как γ или выпадает; все детали распределения не ясны).

Также можно привести пример M¹ bhâγ ‘зола; земля’ < *b^hahākā-, ср. др.-инд. bhás- ‘пепел, зола’ и bhásman- ‘пепел, зола’ (отсутствует в формулировке В. А. Ефимова, ср. Ефимов 1997: 435–437, у него это слово засвидетельствовано в виде bāγ со значением ‘прах, останки’ в Ефимов 2009: 177) и отметить такую очевидную форму, как čōr ‘четыре’ < *čahāra- < *čaθwāra- (Ефимов 1997: 442).

Поэтому следует усомниться в возможности перехода áhǎ- > пар. i, реконструируемого В. А. Ефимовым для объяснения вокализма основы xi ‘сестра’.

Сочетание *-ǎvǎ-, судя по наличию таких примеров, как nō ‘девять’ < *náwa- (Ефимов 1997: 442) и агентив tō ‘ты’ < *tawa- (IFL I: 62), обычно развивается в парачи в ō. Переход *ǎvǎ > i, постулируемый В. А. Ефимовым для объяснения презентной основы bi- ‘быть’ < *báva- (Ефимов 1997: 440), сомнителен: во-первых, форма bō(n) ‘был’ может восходить к *báva-, ср. авест. 3 sg. pret. bauuaṭ (IFL I: 84), а во-вторых, -i в форме bi(n) лучше возводить к причастию *būta-, с переходом, аналогичным звуковому развитию в слове dī ‘дым’ < *dūta-, nī ‘сегодня’ < *nū(n/ram) и т. д. (Ефимов 1997: 440; IFL I: 26).

Таким образом, предпочтительнее реконструировать именно *hwāhī-, как предлагал Г. Моргенштерне, особенно если учесть, что есть определенные параллели в согдийском языке: ср. согд. будд. γw’rh, ман. хр. xw’r [x^oār] ‘сестра’ < *hwahrī- (ЭСИЯ-3: 434). В данной праформе можно ожидать окситонезы по контрасту с производным *hwáhar-; на справедливость такой реконструкции предположительно может косвенно указывать прагерманское производное *swiz-já- m. ‘сын сестры’, ср. др.-англ. swiria, -an ‘сын сестры’, др.-швед. swiri, др.-сакс. swiri ‘сын тетки по матери’. Еще один возможный источник конечного ударения – влияние таких основ, как jīnj ~ jīnč, pl. jīnján ~ jīnčán ‘женщина’ < праир. *janičī- и net, pl. netán ‘внучка’ < праир. naptī-, о которых пойдет речь в данном разделе (случаи 2 и 3).

Соответственно, в данном случае может наблюдаться историческая окситонеза или окситонеза, возникшая под влиянием сходных по значению и форме основ.

Форму множественного числа xiγán следует с осторожностью возводить к праформе *hwāhijánām (возможно, что < *hwāhijánām).

2. jīnj ~ jīnč, pl. jīnján ~ jīnčán ‘женщина’ < праир. *janičī- ← *jáni-.

Праформа *janičī с окситонезой получена путем применения правила контрастного ударения от баритонированной основы *jáni-, ср. др.-инд. jāni-, jānī f. ‘женщина; жена’, авест. jāni-, jāni- ‘женщина’ (ЭСИЯ-4: 141–143). По всей видимости, гласный второго слога

¹ Здесь и далее под M подразумевается, что данная форма засвидетельствована Г. Моргенштерне.

был рано утрачен, а при переходе ударения в промежуточной праформе **jinčī* на первый слог было получено засвидетельствованное *jinj ~ jinč*. Форма множественного числа *jinjān ~ jinčān* должна возводиться к **janič(ī)yānām*.

3. *net*, pl. *netān* ‘внучка’ < праир. *naptī-*

Праформа реконструируется на основании сравнения с др.-инд. *naptṛī, naptī-* f. ‘внучка’, авест. *naptī-* ‘внучка’. Древнеиндийские данные уверенно указывают на окситонезу. Интересно, что среди иранских языков рефлекс древней основы в таком виде есть только в авестийском и парачи (ЭСИЯ-5: 470–475).

Форма множественного числа *netān* должна возводиться к **napt(ī)yānām*.

4. *poš*, pl. *pošān* ‘сын’ < праир. **putrá-*

Баритонированная основа, непосредственное продолжение которой утрачено в пушту (ЭСИЯ-6: 318), но на место первоначального ударения указывает др.-инд. *putrá-* ‘сын; ребенок’.

Соответственно, pl. *pošān* < **putrānām*.

5. *dot*, pl. *dotān* ‘дочь’ < праир. **duxtár-*

Несмотря на то, что *dot* указывает на **duxtr-*, ударное окончание во множественном числе *dotān* может сохранять следы окситонезы и восходить к той стадии развития парачи, когда существовала форма **duxtár-(am)* или, скорее, **duxtr-ām*.

Возводить pl. *dotān* непосредственно к **duxt(a)rānām* несколько сомнительно, поскольку форма могла подвергнуться перестройке, но такое объяснение в свете остальных данных выглядит предпочтительным.

6. *boj*, pl. *bojān* ‘коза’ < праир. **būzá-*

Место ударения в праиранском и праиндоиранском устанавливается благодаря афганской форме *wuzá ~ wza*, также *uzá, bza* и *bezá* f. ‘коза’ при *wuz ~ waz* m. ‘козел’, ср. авест. *būza-* ‘козел’ (NEVP: 94; ЭСИЯ-2: 191–192). Дж. Ченг полагает, что афганское ударение вторично: согласно его анализу, поскольку данные современных иранских языков, в частности, совр. перс. *buz ~ boz* ‘козел, коза’, указывают на краткость гласного, изначально ударение в праформе было баритонированным, а затем передвинулось на последний слог с долгим гласным. Долгота в авестийском исследователем рассматривается как вторичная (Cheung 2010: 119). Тем не менее, нельзя согласиться с формулировкой правил ударения, предложенной Дж. Ченгом: согласно его правилу для основ, заканчивающихся долгими гласными, ударение должно перетягиваться на последний слог, если первый краток (Cheung 2010: 117). Многочисленные отступления от этого правила не позволяют принять его, ср. *róṇā* f. ‘полная’ < **rṇā-*; *cármā* f. ‘сторона, граница’ < **čárma-* (NEVP: 18); *γóna* ‘паук, тарантул’ < **γárnyā* < **gárθn(i)yā-* ? (NEVP: 32); *stárga* ‘глаз’ < **stṛkā-* (NEVP: 77), которые, при всей неясности их индоиранских праформ, очевидно нарушают правило Дж. Ченга для слов вроде *mā* ‘поясница’ (< **melā*) < **mádyā-*; ср. др.-инд. *mádhyā-* ‘середина’.

Соответственно, в случае существования праформы **būzá-* в пушту сохранилось бы начальное ударение *#wáza*.

Итак, множественное число *bojān* ‘козы’ возводится к праформе **būzānām* с дальнейшим сокращением **ū > *u > o*.

7. *γos*, pl. *γosān ~ γosānān* ‘дом’ < праир. **wís-*

Данная корневая основа в ведийском в слабых падежах имеет ударение на окончании, ср. InstrSg *viś-ā*, DatSg *viś-é* и т. д. Соответственно, переход в окситонезу может быть вызван выравниванием по косвенным падежам. Подобное же развитие предполагалось В. А. Дыбо для пшт. *zṛə* ‘сердце’, ведийское соответствие которого, *hṛd-*, в косвенных па-

дежах имеет окситонезу, ср. InstrSg *hṛd-ā*, DatSg *hṛd-é*, GenSg *hṛd-ás*, LocSg *hṛd-í* и т. д. (Дыбо 1974: 83)².

Соответственно, форма множественного числа *γosān* восходит к **wiśānām*, ср. др.-инд. GenPl. *viś-ām* с ударением на окончании. Вариант *γosānān* мог возникнуть под влиянием форм множественного числа слов, которые заканчиваются в единственном на *-(n)ān*: *danān*, pl. *danānān* ‘зуб’; *panān*, pl. *panānān* ‘дорога, путь’ и т. п.

8. *bīn*, pl. *bīnān* ~ *bīnānān* ‘дерево’ < праир. **br̥zn(y)á-*

Праформу **br̥zná-* для слова ‘дерево’ предложил реконструировать Г. Моргенштерне: по его мнению, последовательность фонетических изменений выглядела как *bhīn* < **būhn* < **br̥zná-* (IFL I: 41). Далее основа сравнивается с праиндоевропейским названием для березы, ср. др.-инд. *bhūrjā-* ‘вид березы’. Поскольку **r̥* действительно дает *i*³, а появление придыхательного согласного может быть результатом наличия **s* или **z* в праформе, данная этимология выглядит надежно. Более того, праиранская основа **wānā-* ‘дерево’ в парачи меняет значение, ср. пар. *γan* ‘дуб’, а приобретение родового значения основой со значением ‘береза’ с учетом неизвестности березы в ареале обитания носителей парачи становится особенно вероятным (IFL I: 240). Вообще наиболее близкой к пар. *bīn* формой любопытным образом оказывается лат. *fārnus* ‘ясень’ < **b^hr̥Hǵ-nó-* или **b^hr̥Hǵ-snó-* с сокращением по закону Дыбо (Дыбо 2007: 23).

Менее удачная этимология предложена В. А. Ефимовым, который сравнивал *bīn* с авест. *barazan-* ‘высота, вышина’ (Ефимов 1997: 464).

Множественное число *bīnān* ~ *bīnānān* может быть возведено к **br̥znānām*.

9. *merzá*, pl. *merzān* ‘борона; лопатка, мастерок’ < праир. **mr̥zákā-* < **mr̥zákā-*

Сравнивается с рядом родственных слов иранских языков, образованных от **marz-* ‘прикасаться, гладить, тереть, вытирать; чистить’: белудж. *marz* ‘бревно для дробления комьев земли; борона’; семн., ласг., шам., санг. *marze*, сурх. *morze* ‘скалка’ (ЭСИЯ-5: 254–255). По всей видимости, *merzá* не является непосредственным рефлексом праир. **mr̥zákā-*, поскольку ударный **á* в парачи обычно отражается как *ō*, что было показано на примерах выше, а *-er-* не может быть рефлексом **r̥* перед слогом, содержащим *ā*. К тому же есть примеры с сохранением **k* в виде *k* или *γ* (*mahók* ‘луна’ < **māhákā-* < **māhakā-* и М *bhāy* ‘зола; земля’; Е *bāy* ‘прах, останки’ < **b^hahākā-*). Поэтому данное слово могло в парачи когда-то иметь форму без конечного гласного *#merz* < **mr̥zī-*, а затем испытать влияние форм северо-западных иранских языков.

Множественное число *merzān* в данном случае имеет окситонезу, как кажется, по той причине, что *merzá* представляет собой форму с ударением на окончании в открытом слоге.

Слова с неясной этимологией

10. *lēṛé*, pl. *lēṛé(y)ān* ‘мальчик, малыш’ (также используется супплетивная форма множественного числа *bālā*, Ефимов 2009: 212).

Этимология данного слова неясна; наиболее вероятные версии – заимствование из индоарийского или иранского источника или звукоподражательный характер лексемы. Для сравнения можно привести прежде всего такую индоарийскую праформу, как

² Более вероятно все же возведение *zr̥* к **zr̥díya-*, ср. греч. *καρδία* ‘сердце’, такое решение предлагается В. А. Ефимовым в монографии про язык ормури (Efimov 1986: 100, 132)

³ Хотя в корне на праиндоевропейском уровне реконструируется **r̥* (**r̥H*), в праиранском следовало бы ожидать **ar*, но ср. авест. *pərəna-* ‘полный’ < **p̥r̥H-no-* < *p̥r̥r̥H-no-*; другие случаи с попыткой фонетического объяснения – в работе (Cantera 2001).

T 11116 **lēlla* ‘ягненок; ребенок’ с такими рефлексами, как синдхи *lelo* ‘ребенок’; лахнда *lēlā* m., *lēlī* f. ‘ягненок, ребенок’; панджаби *lelā* m., *lelī* f. ‘ягненок’ и т. д. (Turner 1966: 647). Было отмечено возможное заимствование данной индоиранской основы в пушту в виде *lére* pl. ‘стадо ягнят, сакмал’ (NEVP: 44); в словаре М. Г. Асланова слово засвидетельствовано с другим окончанием множественного числа и ударением: *лері́* мн. ч. ‘сакмал, стадо ягнят’ (Асланов 1985: 773). Интересно и производное *lerúnay* (*леру́най*) ‘барашек-сосунок (без матки)’ (NEVP: 44; Асланов 1985: 773). Препятствием для безусловного признания сопоставления формы *lērē* с пушту, лахнда или панджаби является церебрализация *r*. Еще один возможный источник – слово одного из индоарийских или дардских языков, продолжающее праформу T 10896 **laghu-da-* ‘маленький, младший’ (← **laghu-* ‘легкий’), ср. панджаби диал. *lauhṛa* ‘маленький; молодой’, сави *layéṛo* ‘младший’ и т. д. (Turner 1966: 630). В данном случае получает объяснение церебрализация, но проблему представляет вокализм.

Наконец, можно уподобить таким образованиям, как рус. *ляля*⁴ с дальнейшей частотной в языках мира диссимиляцией **l – l > l – r* и возможным влиянием индоарийских, дардских или афганских основ, рассмотренных выше. Ударение на форманте обусловлено конечным ударением данной основы с гласным исходом.

11. *wāšená*, pl. *wāšenán* ‘петух’

Г. Моргенштерне регистрирует три формы этого слова: в его записи это *bāšaná*, *wāšīnā* и *wāšenā* ‘петух’ (IFL I: 243). Он с сомнением сравнивает его с осет. диг. *wasængæ* (ирон. *wasæg*) ‘петух’, отмечая при этом, что формы парачи скорее представляют собой заимствование из неизвестного источника. В. И. Абаев считает, что осетинское слово является образованием от осет. *wasyn* ‘петь’ и представляет собой имя с внутренней формой ‘певун’, как рус. *петух*, *петел* и т. п. (Абаев-4: 54–55). Подобная возможность объяснения осетинского слова, безусловно, ослабляет предложенное Г. Моргенштерне сопоставление.

Возможно, слово как-то связано с перс. *bāša* ‘ястреб’ (также заимствовано в парачи в виде *bāša* ‘ястреб’, IFL I: 243). Скорее всего, форма *bāšaná* могла испытать его влияние, хотя, если вариант с начальным *w-* является исходным, персидское слово не может быть непосредственным источником заимствования (но может в свою очередь восходить к праформе вида **wāša-*, если само унаследовано).

Ударение множественного числа, по-видимому, обусловлено конечным ударением трехсложной формы *wāšená* вкупе с его вокальным исходом.

12. *bān*, pl. *bānán* ‘язык’ < праир. **zbān-* или персидское заимствование (IFL I: 241).

Если слово унаследованное, то оно может представлять собой основу с окситонезой *(*zi*)*žwān*- < **žiwā-*, ср. пшт. *žāba* ‘язык’, но др.-инд. *jihvā-* m., *jihvā-* f., *juhī-* f. ‘язык’ с акцентовкой по контрасту или в конкретном суффиксе **-āna*. Во множественном числе в парачи установилось соответствующее конечное ударение, обусловленное окситонезой основы. Правда, в данном случае необходимо рассматривать слово в пушту как отражающее ударение, не соответствующее ведийскому и парачи, что в принципе возможно, но ослабляет приводимые доводы.

13. *č(‘)ač(‘)á*, pl. *č(‘)ač(‘)án* ‘вид воробья’

Данная основа выглядит как индоарийское заимствование, подобно пар. *č(‘)áč(‘)ó* ‘белый’. Возможно, заимствовано из одного из языков, продолжающих индоарийскую праформу T 4571 **caṭaka-* ‘воробей’ (Turner 1966: 248).

⁴ Д. И. Эдельман реконструирует для праиранского достаточно условное «детское» слово **lala-*, потому что которого имеют в иранских языках разнообразные значения: кл. перс. *lālā* ‘слуга, приставленный смотреть за мальчиками’; ягн. *lūlák* ‘младенец’; пшт. *lāla-* ‘дядя (обращение)’; тадж. диал. детск. *lolo*, *lulu* ‘хороший, милый, красивый’ и т. д. (ЭСИЯ-5: 62–63).

Прозрачные заимствования

15. *tapá*, pl. *tapáñ* ‘холм’ – заимствование из персидского, ср. перс. *tepe*, дари *tepa* ‘холм, пригорок; курган’ (Киселева-Миколайчик 1978: 197).

16. *taxtá*, pl. *taxtáñ* ‘доска’ – заимствование из персидского, ср. дари *taxta* ‘доска; щит; плита’ (Киселева-Миколайчик 1978: 202).

17. *wē*, pl. *wēáñ* ‘главная потолочная балка’ – согласно Г. Моргенштерне, заимствование из дардских или индоарийских языков Р. Л. Тернер реконструирует праформу Т 11182 **wañsiya-* ~ **wañsiya-* с такими рефлексам, как пашай диал. лауровани *waš* ‘главная потолочная балка’; дамели *bāš*, *bāš* ‘стропило; балка’; ория *bāūsā* ‘стропило; балка’ и т. д. (Turner 1966: 652). Продолжения праир. **wa(m)ś(y)a-* или адаптированные дардские заимствования широко распространены в памирских языках, ср. вах. *was* ‘матица; основная балка потолка’; шугн. *wūs*, сар. *wys* ‘главная потолочная балка’; пшт. ваз. *wešá* ‘балка’, *baš* ‘главная балка’ (Стеблин-Каменский 1999: 387–388).

18. *sīnó*, pl. *sīnó(w)áñ* ‘грудь (женская)’ – заимствование из персидского, ср. дари *sina* ‘грудь’ (Киселева-Миколайчик 1978: 469). В данном виде представляет собой адаптированное заимствование, также Г. Моргенштерне записал форму *síná*, непосредственно соответствующую персидскому (IFL I: 287).

Таким образом, все слова, которые в парачи исторически восходят к окситонированным основам или к корневым именам с ударением на окончании в косвенных падежах, имеют ударное окончание *-áñ*, всего это 9 основ.

Из заимствованных слов к данной категории относятся те, которые заканчиваются гласным и имеют ударение на последнем слоге. Это *tapá*, pl. *tapáñ* ‘холм’; *taxtá*, pl. *taxtáñ* ‘доска’; *wē*, pl. *wēáñ* ‘потолочная балка’ и *sīnó*, pl. *sīnó(w)áñ* ‘грудь (женская)’.

Три основы с неясной этимологией примыкают по своему внешнему облику к заимствованным и могут быть объяснены сходным образом: *lērē*, pl. *lērē(y)áñ* ‘мальчик, малыш’; *wāšená*, pl. *wāšenáñ* ‘петух’ и *č(‘)ač(‘)á*, pl. *č(‘)ač(‘)áñ* ‘вид воробья’.

Наконец, только одна основа с неясной этимологией заканчивается на согласный, *bāñ*, pl. *bāñáñ* ‘язык’, причем в том случае, если это унаследованное слово с праформой **zbāñ-* < **(ži)zwan-*, оно подчиняется общему правилу для первой части основ.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что к словам с ударным окончанием *-áñ* в парачи относятся основы, имеющие историческую, «скрытую» окситонезу и те, которые обнаруживают окситонезу синхронную, «поверхностную», реализуемую стандартно как ударный последний открытый слог преимущественно в двусложных формах. Примечательно, что в списке из 18 основ, который практически идентичен составленному В. А. Ефимовым, нет исключений.

Неударное окончание *-áñ*

Собственные слова

1. *dōst*, pl. *dōstáñ* ‘рука’ < праир. **dásta-* / **zásta-*

Праформа **zásta-* реконструируется на основании др.-инд. *hásta-* ‘рука’, авест. *zasta-* ‘рука’. В подавляющем большинстве уже древних иранских языков праформа **zásta-* заменена на **dásta-*, при этом регулярный фонетический переход **ž- > d-* характерен только для юго-западных иранских языков (ЭСИЯ-2: 371). Предлагались различные объяснения

замены **ž* на *d-*, *δ-*, *l-* в иранских языках разных эпох, но важнее, что такие формы, как афг. *lās* ‘рука’, также указывают на баритонезу.

Фонетический переход **á* > *ō* (в записи Г. Моргенштерне *ō*) характерен для парачи и является еще одним указанием на баритонезу, ср. *dōs* ‘десять’ < **dása-*; *pōnč* ‘пять’ < **pánča-*; *sōr* ‘голова’ < **sāra-* и т. д. (IFL I: 22–23).

Поэтому форма множественного числа в парачи *dōstān* закономерно восходит к **dástānām*.

2. *bōr*, pl. *bōrān* ‘дверь’ < праир. **dwár-* / **dwār-*

В праязыке корневое имя, судя по таким формам, как вед. AccPl. *dúras*, *dvāras* = греч. *θύραζε*, и тематизированному имени *dvāra-* ‘дверь’ (EWAia I: 764–765), относилось к типу с накоренным ударением и, соответственно, переходило в баритонированное тематическое существительное **dwāra-* или **dwāra-*. Для праиндоевропейского состояния на основании привлечения данных в том числе балтославянских и германских языков баритонеза реконструируется для этого корневого имени в работе (Дыбо 2014: 33). Впрочем, нельзя не отметить, что накоренное ударение в подобных формах может быть характерным и для односложных имен с подвижным ударением, ср. вед. асс. *púras* (Дыбо 2014: 32). Также на баритонезу указывает пшт. *war* < **dwāra-*, хотя данные **a*-основ наименее показательны (NEVP: 89).

Соответственно, pl. *bōrān* < **dwārānām*.

3. *giš*, pl. *gúšān* ‘ухо’ < праир. **gáwša-*

Ударение в праформе устанавливается благодаря др.-инд. *ghóṣa-* ‘шум, крик, рев; шум, молва’, пшт. *γwaž* (*γwaḥ*) ‘ухо’, в кандагарском диалекте также ‘шум’ (Дыбо 1974: 78).

Здесь необходимо отметить, что *giš*, pl. *gúšān* – несомненно, заимствованная или деформированная под давлением персидского форма данного слова, поскольку в парачи интервокальный *š* выпадает, ср. *espó* ~ *espóh* ‘вошь’ < праир. **šwiš-* ‘вошь’, авест. *spiš-* ‘вошь’. Но в шутульском диалекте сохраняется унаследованная форма *gi* при соответствующих пачаганской *giš* и гочуланской *gōš*; при этом шутульская форма имеет множественное число *gúšān* (Ефимов 2009: 196), которая может быть перестроена из **gúān*.

Препятствием для такой трактовки может служить однажды засвидетельствованная Г. Моргенштерне форма множественного числа в тексте, а именно *gūān*: *gūān tar-au júmki sī* ‘in thine ears are ear-rings’ (IFL I: 219). В данном случае определено унаследованное множественное число имеет ударный вариант окончания. Если предполагать, что он не является исконным, можно думать о переходе ударения на окончание из-за того, что форма *gi* заканчивается гласным, хотя, естественно, такое предположение нельзя назвать достаточно убедительным.

Аналогичное ударение имеет множественное число от слова *gi* ‘корова’ – *gūān* (Ефимов 1997: 480), но этот вариант не является единственным; более стандартный – *gi-γān* ~ *gi-hān* с суффиксом множественности *-γān*, который является ударным. Соответственно, могло быть и давление похожего множественного *gūān* ‘коровы’, хотя это и достаточно маловероятный сценарий.

Таким образом, только в том случае, если форма pl. *gúšān* является перестройкой более старой формы **gúān*, она восходит к **gáwšānām*. Данный пример сомнителен.

4. *tox*, pl. *tóxān* ‘лицо; щека’ < праир. **túxa-*

Ср. др.-инд. *túkha-* ‘лицо, рот; устье, передняя часть’; пшт. *tāx* ‘лицо’ с баритонезой (Дыбо 1974: 77). Форма парачи не является заимствованием (IFL I: 274), на это также указывает полисемия в парачи, отличающаяся от той, что засвидетельствована в афганском соответствии. М. Г. Асланов перечисляет следующие значения слова *tāx*: «1) лицо; 2) сторона, край; 3) верх, поверхность; 4) мат. грань; 5) сиденье (напр. стула); 6) страница; 7) лицо, лицевая сторона (ткани); 8) заготовка (для обуви); 9) лезвие (сабли, ножа); 10) пе-

рен. честь; слава; репутация, авторитет, влияние» (Асланов 1985: 801–802). Дополнительно баритонезу доказывает пшт. *táxa* ‘сторона, направление’ < **tíxā-* (Асланов 1985: 805), не отмеченное в NEVP.

Форма множественного числа *tóxān* восходит к **tíxānām*.

5. *naṓn*, pl. *naṓnān* ‘хлеб’ < праир. **nikāna-*

Праформа данного слова обычно понимается как приставочное образование от глагола **kan-* ‘копать’, т. е. ‘закопанный в / под горячую золу’, ‘положенный в/под горячую золу’ либо ‘засыпанный горячей золой’ (ЭСИЯ-5: 418–419). Несмотря на то, что для большинства иранских языков предпочтительнее реконструировать промежуточную праформу **naḡana-* или **naḡ(a)na-* (ЭСИЯ-5: 418), парачи *naṓn* может возводиться к **nikāna-* напрямую: праир. **á* под ударением переходит в *ō*, **k* может в интервокальной позиции давать *γ*, а **i* в безударной позиции иногда переходит в *a*, что особенно важно – в приставочных образованиях с **ni-*: ср. *naḡō* ‘вышел’ < **nirgata-* (PIFL I: 25). Из других иранских языков прежде всего интересны бактр. *vaḡavo* ‘хлеб’ и пшт. *n(a)ḡān* f., pl. *naḡni* ‘пшеничный хлеб; хлеб, печенный на сковороде’; последнее дополнительно указывает на место праиранского ударения.

Множественное число *naṓnān* возводится к **nikānām*.

6. *giwān*, pl. *giwānān* ‘вымя’ < праир. **gaw-dāna-* или **gaw-rāna-*

Основа **gau-dāna-* прослеживается в ряде иранских языков, из этих форм наиболее важное продолжение – пшт. *γulānza*, *γwālānza* < **gu-dāna-čī* с более поздним суффиксом *-a* < **-ā* (ЭСИЯ-3: 215). Наиболее вероятно, что праформа **gu-dāna-* имела именно такое ударение, а дополнительные суффиксы не изменили его место (также ср. др.-инд. *dāna-* ‘дар, дарение’, пшт. *prólāna* ~ др.-инд. *pradāna-* ‘дар, подарок, подношение’). Единственное препятствие для такой реконструкции – нерегулярный согласный *w* на месте **d* (в парачи интервокальный *w* мог бы быть получен только из **r* или **b*).

Если предположить наличие **r* в праформе и иранское происхождение основы, то сложное слово **gaw-rāna-* должно быть образовано от **rā-* ~ **rāy-* ‘пить’ (ЭСИЯ-6: 290–291), но в иранских языках надежно прослеживаются только глагольные основы и рефлексы причастия **pita-*. Осет. ирон. *fædæg* ‘сосок’ возводился В. И. Абаевым к **pātaka-*, но *æ* соответствует праир. **a* (Абаев I: 427–428; ЭСИЯ-6: 291), поэтому Дж. Ченг предпочитает с сомнением реконструировать **pataka-*, производя данную основу от **pat-* ‘падать’ (Cheung 2002: 183), хотя предлагаемая им этимология слаба семантически. Более интересна этимология В. И. Абаева для осет. ирон. *fæzdon*, диг. *fæzdonæ* ‘вымя’ < **pat-dāna-* или **pāt-dāna-* с сокращением гласного первого слога (Абаев I 428; 467–468), но и она вряд ли верна из-за сомнительного морфологического образования (Cheung 2002: 188). Соответственно, реконструкция праир. **rāna-* сомнительна.

Поэтому вторая часть композита может быть старым заимствованием или калькой из пашаи, ср. пашаи диал. вегали *rān*, диал. арети *rōn* ‘вымя’, которое Р. Л. Тернером реконструируется как Т 8081 **rāna-* ‘питье’, ср. др.-инд. *rāna-* ‘питье, напиток’ (Turner 1966: 456) или, что вероятнее, как Т 12763 / 14685 **śwāna-* ‘вымя’ < **śwā-* ‘набухать’ (Turner 1966: 740, 832). Возможно, основа **gaw-rāna-* появилась в результате контаминации с распространенным праиранским композитом **gau-dāna-*.

Таким образом, pl. *giwānān* может теоретически возводиться к pl. **gawdānām* или **gawrānām* (хотя праформа, естественно, условна).

7. *ātaḡ*, pl. *ātaḡān* ‘яблоко’ < праир. *(*ā*)*marnā-* < **malnā-*

Праиранская основа с колебанием вариантов с начальным гласным и без него: праформа с начальным гласным дала согд. **m’nk* [*amang*] ‘яблоко’; мундж. *āteḡā* ~ *āteḡā*, йидга *ātipo* ~ *ātipo* ~ *atīḡo*; пшт. *taḡā* ‘яблоко’ (с отпадением начального гласного) (ЭСИЯ-5: 238–239; PFL II: 190; NEVP: 51). Предполагается, что это ареальная основа: с од-

ной стороны, ср. лат. *mālum* ‘древесный плод; яблоко’, греч. μῆλον, дор. μᾶλον ‘яблоко’, с другой – пратюрк. **alma* ‘яблоко’ (ЭСИЯ-5: 238–239).

Афганская форма указывает на окситонезу, этой акцентовке противоречат данные мунджанского и парачи. Форма *ámaṛ*, кроме того, не демонстрирует переход **á > ō*, что может говорить о позднем характере ударения в имеющейся форме. Ударение во множественном числе *ámaṛān* может быть обусловлено начальным ударением в единственном числе *ámaṛ*.

8. *a(y)ír*, pl. *a(y)írān* ‘облако’ < праир. **abryá-*

Окситонированная основа **abrá-* реконструируется на основании др.-инд. *abhrá-* ‘облако’. Пшт. *ōwrá*, также *orá* и *wará*, диал. *awár* ‘облако, тучка; бельмо’ наиболее вероятно восходит к **abryá-* (NEVP: 10), хотя производная основа с суффиксом могла бы иметь контрастную акцентовку.

В целом случай трудный для трактовки. Если для парачи *a(y)ír* реконструируется окситонированная праформа **abryá-*, соответствующая афганским данным, ударение в форме множественного числа *a(y)írān* незаконномерно и представляет собой исключение, возникшее, вероятно, в результате перестройки основы. Это наиболее вероятная версия. Если же существовал не совпадавший с реконструируемым для пушту вариант ударения **ábrya-*, то ударение в форме множественного числа ожидаемо, но форма опять же была перестроена хотя бы потому, что ударение переместилось. Такому предположению противоречат вокализм (**á* не перешло в *ō*) и несовпадение места акцента с тем, которое засвидетельствовано для пушту.

Одно из исключений из правил.

Слова с неясной этимологией

9. *aštáw*, pl. *aštáwān* ‘живот’ < **stáfa-* ?

Г. Моргенштерне предположительно связывает данное слово с др.-инд. *stabhi-* ~ *stambhi-* ‘укреплять, защищать’ (IFL I: 237). Можно с осторожностью думать о связи с др.-инд. *sthávi-* ‘ткач’ и *sthavi-* lex. ‘мешок, сумка’ с соответствиями в среднеиндийских и новых индоарийских языках, ср. T 13746 (EWAia III: 524–525; Turner 1966: 793). Вокализм нерегулярен (нет перехода в *ō*).

Праиндоиранское ударение не прослеживается, поэтому баритонеза предположительная.

Множественное число должно возводиться к **stáfānām*, как бы эта форма ни объяснялась этимологически.

10. *tōx*, pl. *tōxān* ‘козел’ < праир. **táxa-/táka-* ?

Несмотря на то, что в очерке В. А. Ефимова данное слово рассматривается «в числе существительных, засвидетельствованных с обоими акцентными вариантами» (Ефимов 1997: 479), которые в целом будут рассмотрены ниже, в монографии «Язык парачи» формы множественного числа, образованные от *tōx*, были описаны следующим образом: «*tōx* ‘козел’ — мн.ч. *tax* (наряду с *tōxān*, *taxān*)» (Ефимов 2009: 40).

Более архаичным вариантом множественного числа из перечисленных представляется первый с перегласовкой; несколько позже или параллельно с ней была образована форма *tōxān*, а *taxān* с совмещением двух способов образования множественного числа кажется самой поздней. В таком случае форма *tōxān* (Ефимов 2009: 13), скорее всего, вообще имеет вторичное ударение по образцу *taxān*. Поэтому баритонеза доказывается самыми архаичными формами *tax* и *tōxān*, что хорошо согласуется с тем фактом, что в парачи *ō < *á* (IFL I: 22–23), ср. *dōst*, pl. *dōstān* ‘рука’.

Г. Моргенштерне записал форму *tōγ* ‘горный козел-самец’ с другим конечным согласным от двух информантов (IFL I: 292). Похожие формы встречаются в других индоиранских языках, ср. вах. *tuγ* ‘коза’; ягн. *taká* ‘домашний козел’; кхов. *toγ* ‘нехолощенный козел’ (Стеблин-Каменский 1999: 360–361). Судя по перс. *taka* ‘козел’, заимствованному, в свою очередь, из тюркских, может быть очень древним заимствованием (там же), произошедшим до фонетического перехода **á > ō* в парачи и **a > u* в ваханском с не до конца понятными деталями.

В связи с этим можно условно реконструировать форму множественного числа как **táxānām* / **tākānām* с более старой *tax* < **taxās* ?

11. *γárāk*, pl. *γárākān* ‘ворона’

Этимология неясна. Напоминает др.-пруск. *warne* (вторичная *ē*-основа), лит. *várna*, сербохорв. *vàŋna*, рус. *ворóна* (IEW: 1166), но установить непосредственную связь сложно.

Безударное множественное может быть обусловлено начальным ударением в двухсложном слове *γárāk*.

12. *tanók*, pl. *tanókān* ‘овца’ < праир. **mayšnákā-* < **mayšnakā-* ?

Баритонеза для **mayšnakā-* может быть незакономерной ввиду др.-инд. *meṣá-* m. ‘баран’, *meṣí-* ‘овца’ < **mayśá-*. На баритонезу, впрочем, указывают афганские формы, ср. пшт. *maž* ‘баран’, *mež* f. ‘овца’, которые В. А. Дыбо относятся к исключениям, но при этом предлагает реконструировать пару **moysós* ~ **móysuə*, «с дальнейшим выравниваем по языкам» (Дыбо 1974: 85–86). Впрочем, рассуждения об ударении в обсуждаемой праформе осложняются также наличием суффикса **-na*.

В любом случае pl. *tanókān* можно напрямую возвести к **mayšnákānām*. Другим объяснением может быть автоматическое сохранение ударения на *ō* по образцу других основ, содержащих этот гласный.

13. *teč* ~ *teč*, pl. *téčān* ~ *téčān* ‘глаз’

Г. Моргенштерне справедливо указал, что связь с перс. *čašt* ‘глаз’ невероятна (IFL I: 292); попытка сравнения с перс. *dāda* ‘глаз; око’ и реконструкции **dhīā* < **dihā* там же выглядит столь же сомнительно.

На мой взгляд, может быть трансформированным заимствованием из дардских языков, где праформа Т 43 **akši* дает такие слова конкретных языков, как пашаи *ačhí*, *ač*; дамели *ēč*; кхов. *yeč(h)* и т. д. (Turner 1966: 2–3).

14. *maγás*, pl. *maγásān* ‘муха’ < **makaśā-* ?

Г. Моргенштерне полагал, что это унаследованное слово, для которого может быть реконструирована праформа **makaśā-* (Morgenstierne 1926: 20; IFL I: 23), однако ввиду вокализма (ударный **a* дал бы *ō*) может быть адаптированным заимствованием, ср. дари *magas* ‘муха’ (Киселева-Миколайчик 1978: 665–666).

Если слово унаследовано, необходимо реконструировать окситонезу **makaśā-* с относительно поздней оттяжкой ударения на второй слог, из-за чего **a* удерживается. Внешними данными однозначно подтвердить ударение не удастся, но ср. йидга *moγúso* ‘муха’ (ЭСИЯ-5: 174).

Если это так, то *maγás*, pl. *maγásān* – наиболее заметное исключение из правил. Оно может объясняться поздним появлением формы множественного числа и возводиться условно к **makásānām*.

Прозрачные заимствования

15. *bolból*, pl. *bolbólān* ‘соловей’ – заимствование из персидского, ср. дари *bolból* ‘соловей’ (Киселева-Миколайчик 1978: 120).

16. *kalá*, pl. *kaláân* ‘голова’ – заимствование из персидского, ср. дари *kalla* ‘череп; голова’ (Киселева-Миколайчик 1978: 589).

17. *mâṇḍ*, pl. *mâṇḍân* ‘гнездо’.

По форме это слово выглядит как индоарийское или афганское заимствование, но непосредственный источник не до конца ясен. Ср. пашаи *mān* ‘гнездо’ < Т 10042 **māna*- ‘дом, жилище’, ср. др.-инд. *māna*- ‘постройка; жилище’ (Turner 1966: 577). В пушту есть слово *мандзола* ‘гнездо’ (Асланов 1978: 855). Пшт. *манḍ*, наиболее напоминающее по форме парачи *mâṇḍ*, имеет следующий круг значений: «1) шаг; 2) след (ног); 3) пень; 4) дорога по насту; дорога (тропа) по снегу; 5) основа, опора, фундамент; 6) источник (зла и т. п.)» (Асланов 1978: 856). Можно с осторожностью предположить, что в отдельных диалектах пятое значение может развиваться в ‘гнездо’.

18. *ḡonḍî*, pl. *ḡonḍîyân* ‘горка, холм’ – по всей видимости, заимствование из пшт. *ḡonḍây* ‘холм; горка’, которое связывается с *ḡunḍ* ~ *ḡwânḍ* ~ *ḡwunḍ* ‘круглый, округлый; шарообразный, шаровидный’ (NEVP: 31).

Очевидно, что это слово выбивается из правила для окситонированных основ и заимствованных слов с гласным исходом и ударением на этом последнем гласном, которое было сформулировано при разборе слов с ударным окончанием *-ân*. Можно предположить, что старая форма заканчивалась, как и в пушту, на согласный, т. е. **ḡonḍîy*.

19. *ketâb*, pl. *ketâbân* ‘книга’ – прозрачное персидское или афгано-персидское заимствование арабского происхождения, дари *ketab* ‘книга’ (Киселева-Миколайчик 1978: 577). В отношении вокализма ср. пшт. *kitâb* ‘книга’ (Асланов 1978: 662).

20. *nâk*, pl. *nâkân* ‘груша’ – заимствование из персидского, ср. дари *nâk* ‘груша (плод)’ (Киселева-Миколайчик 1978: 688).

21. *šâx*, pl. *šâxân* ‘ветвь’ – заимствование из персидского, ср. дари *šaxa* ‘ветвь, сук; ответвление, отрог; отрасль’ (Киселева-Миколайчик 1978: 470).

Можно видеть, что унаследованные основы регулярно сохраняют ударение на основе в том случае, если в праязыке они были баритонированными. Наиболее важные примеры в данном случае – те, что содержат ударный гласный *ô*, поскольку в парачи праиранский краткий гласный **a* под ударением дает как раз *ô*. Это 4 непроезвучившие основы с *ô*, *dôst*, pl. *dôstân* ‘рука’; *bôr*, pl. *bôrân* ‘дверь’; *naḡôn*, pl. *naḡônân* ‘хлеб’ и *tôx*, pl. *tôxân* ‘козел’, а также одна суффиксальная, *manôk*, pl. *manôkân* ‘овца’.

Что касается заимствованных основ, то не переносят ударение на окончание во множественном числе односложные и двусложные основы, заканчивающиеся согласным, вне зависимости от ударения. Особенно интересно отметить значительное количество основ с вокализмом *â*: *mâṇḍ*, pl. *mâṇḍân* ‘гнездо’; *ketâb*, pl. *ketâbân* ‘книга’; *nâk*, pl. *nâkân* ‘груша’ и *šâx*, pl. *šâxân* ‘ветвь’.

Среди рассмотренного 21 случая есть 2 исключения: . *a(y)îr*, pl. *a(y)îrân* ‘облако’ < праир. **abryâ-* и *kalá*, pl. *kaláân* ‘голова’. Слово *ḡonḍî*, pl. *ḡonḍîyân* ‘горка, холм’ только кажется исключением, потому что более старый облик данного слова – **ḡonḍîy* (пшт. *ḡunḍây*).

Слова с колебанием в ударении

1. *dust*, pl. *dústân* и *dustân* ‘друг’ – заимствование из персидского, ср. дари *dôst* ‘друг, приятель’ (Киселева-Миколайчик 1978: 380). В материалах Г. Моргенштерне слово зафиксировано в виде *dúst* и *dôst* ‘друг’ (IIFL I: 251).

2. *siz*, pl. *sízân* и *sizân* ‘грудь’

Наиболее вероятно, что это основа собственного происхождения звукоподражательного характера, как осет. ирон. *zīzī*, диг. *zeze* ‘женская грудь’, арм. *sic*, ягн. *šič* ~ *šeč* ‘то же’ и т. д. (Абаев I: 397).

3. *nēšt* ~ *nēšt*, pl. *nēštān* и *nēštān* ‘нос’ < праир. **nāstī-*

Г. Моргенштерне реконструирует праформу **nāstī-* и указывает, что от такой же по виду основы образованы формы пашаи и других индоарийских и дардских языков (IFL I: 277), ср. Т 7031 пашаи диал. лауровани (Laurōwānī) *nāst*, *nās* < **nāsta-*; вотапури (Woṭapūrī) *nyet* f., пхалура *nāst* f. ‘нос’ (Turner 1966: 403–404). Также основы с суффиксом, содержащим **t-*, засвидетельствованы и в иранских языках: бахтиари *noft* ‘нос’ (Anonby-Asadi 2014: 157), менее вероятно йидга *nezyo*, мундж. *nazyā* ‘слизь из носа’ < **nēz(d)gā* < **nāstikā-* ? (IFL II: 235; ЭСИЯ-5: 425). Переход **st* > *št* перед *ī* характерен для парачи, ср. *yošt*, М *γušt* ‘брошенный’ < **wista-* (IFL I: 43).

Ударение в праформе установить на основании непосредственного сравнения с формами, которые бы соответствовали **nāstī-*, невозможно.

4. *mēz*, pl. *mēzān* и *mēzān* ‘стол’ – персидское заимствование, ср. дари *mēz* ‘стол; верстак’ (Киселева-Миколайчик 1978: 679).

5. *māwṛ*, pl. *māwṛān* и *māwṛān* ‘сад’

Может быть индоарийским или дардским заимствованием, особенно учитывая наличие *r* в словоформе. Непосредственный источник заимствования невозможно установить.

Из известных праформ, с которыми можно было бы предположительно связать парачи *māwṛ*, следует назвать праир. **marwā-* ~ **margā-* ‘луг’. Рефлексы звука *w* наличествуют в персидском, ср. ср.-перс. *marv*, *marv* ‘трава, (луговые) растения’, кл. перс. *marv* ‘название пахучей травы’; в остальных языках наблюдаются рефлексы **g*, ср. парф. *mary* [mrg] ‘лес; лужайка’; согд. *mary(h)* ‘луг’, ягн. *mary* ‘трава – лучший корм для скота’; пшт. *maryá* ‘пальчатник, свиной (злак); всякая трава, дающая дерновину; газон, лужайка’; мундж. *mírya* ~ *múrya* ‘луг’ и т. д. (ЭСИЯ-5: 231–233). Также привлекает внимание пшт. *маврӣ* pl. m. ‘белая пшеница’ (Асланов 1985: 865). Возможно, парачи *māwṛ* – старое заимствование из одной из похожих форм с метатезой **-rw-* > **wṛ* и вторичной церебрализацией *r*.

6. *pā*, pl. *pān* ~ *pānān* ‘нога’ < праир. **pād(a)-*

Данный случай должен рассматриваться скорее наряду с такими, как *bīn*, pl. *bīnān* ~ *bīnānān* ‘дерево’ и *γos*, pl. *γosān* ~ *γosānān* ‘дом’.

Множественное число *pān* должно объясняться, скорее всего, как получившееся по правилу для форм, заканчивающихся гласным звуком, поскольку корневое имя **pād-* ‘нога’ имело именительный падеж **pād* и косвенные падежи с ударением на окончаниях, то есть подвижную акцентную парадигму, которая полностью реконструирована в докладе (Дыбо 2014: 34). Родительный падеж множественного числа **pādām*, с другой стороны, мог послужить непосредственным источником формы *pān*, поскольку интервокальный **-d-* в парачи выпадает, ср. парачи *pams* ‘девятнадцать’ < праир. **nāvadaśa-*, др.-инд. *nāvadaśa-* ‘девятнадцать’ (IFL I: 36).

Можно видеть, что шесть основ с колебанием ударения, приведенные В. А. Ефимовым, поровну делятся на унаследованные и заимствованные. Какие-то закономерности ввиду скудности материала сложно установить, к тому же из-за отсутствия надежных количественных данных нельзя выдвигать предположения о том, какие именно варианты – с ударным или безударным окончанием – являются изначальными в рассматриваемой группе случаев. Интересно, что три слова с колебанием ударения во множественном числе, *dust* ‘друг’, *nēšt* ~ *nēšt* ‘нос’ и *māwṛ* ‘сад’, имеют в коде два согласных, а *siz* ‘грудь’ и *mēz* ‘стол’ заканчиваются одним согласным, *-z*, но является ли это фактором, влияющим на ударение форм множественного числа, неясно.

После рассмотрения всех слов, отмеченных В. А. Ефимовым в его очерке и грамматике, необходимо с известной долей скептицизма рассмотреть все случаи, отмеченные в его парачи-русском словаре, который прилагается к грамматике (Ефимов 2009: 170–254). Дело в том, что словарь опубликован посмертно и некоторые ударения в нем приводятся ошибочно, например, для слова *bōr* ‘дверь’ приводится форма множественного числа *bōrān*, противоречащая другим материалам автора и маловероятная ввиду вокализма данного слова (Ефимов 2009: 179). Кроме того, система обозначения ударения форм множественного числа в словаре непоследовательна, для некоторых основ место ударения во множественном числе вообще не указано, поэтому я и решил не включать материалы из словаря в основной список, где приводятся случаи, внимательно отобранные автором. Примеры даются в точности как у автора в словаре во избежание путаницы.

Слова, имеющие окончание *-ān* в словаре Ефимова

1. *ōsp*, мн. ч. *ōspān/ asp, aspān* ‘лошадь’ (Ефимов 2009: 224).

Судя по распределению, изначальная пара *ōsp* ~ pl. *asp* была видоизменена с добавлением окончания *-ān* как к форме единственного, так и к форме множественного числа. Ударение в формах *ōspān* и *aspān* противоречит баритонезе *ōsp* < **áswa-*, ср. др.-инд. *ásva-* ‘конь’. Причины, по которым окончание ударно, неясны. Быть может, на передвижение ударения мог влиять тот факт, что формы *ōsp* и *asp* заканчиваются сочетанием согласных.

2. *bahr*, *-ān* ‘море’ (Ефимов 2009: 175).

Арабо-персидское заимствование, ср. дари *bahr* ‘море’ с ломаным множественным *behār* и *abhār* (Киселева-Миколайчик 1978: 100).

Место ударения в словарной статье не указано. Наиболее вероятно, что слово имеет безударное окончание *-ān* или колебание в ударении, что не противоречит правилам для заимствований (ударность окончания в словаре обозначается в том числе знаком ударения над *-ān*).

3. *bāl*, мн. ч. *-ān* ‘крыло; перо’ (Ефимов 2009: 176).

Прозрачное персидское заимствование, ср. дари *bāl* ‘крыло; перо, плавник (рыбы)’ (Киселева-Миколайчик 1978: 95).

Удостовериться в том, что окончание в этом слове безударно, помогает пример из текста: *xokān bālān-tar-a páda-padá bālān déra* г. ‘у нее на крыльях черные-пречерные перья’ (Ефимов 2009: 164). В этом же примере, записанном во вхождении словаря, допущена ошибка в форме *bālān-tar-a*, которая представлена в виде *bālān-tar-a* (Ефимов 2009: 176).

Слово подчиняется правилам для заимствованных односложных основ с согласным исходом и вокализмом *ā*.

4. *bāló*, мн. ч. *bālā, bālān* ‘мальчик, ребенок (от года до 10 лет)’ (Ефимов 2009: 176).

Пример из текста: *bālān če žujāysák nāntān* ‘усадили мальчишек в каком-нибудь месте’ (Ефимов 2009: 147). Г. Моргенштерне наряду с формой множественного числа *bālān* отмечает также *bālú* (IFL I: 240).

Дардское заимствование, ср., например, пашаи *bārā* ‘мальчик, юноша’ (IFL I: 240; Turner 1966: 514).

Соответствует правилу для заимствованных основ с гласным исходом.

5. *bāw*, мн. ч. *-ā, -ān, -γār* ‘отец’ (Ефимов 2009: 176).

Дардское заимствование, ср. пашаи *bāw* ‘отец’ (IFL I: 243).

В данном случае ударение, очевидно, под влиянием других вариантов образования множественного числа: так, суффикс *-γār* всегда является ударным.

6. *beâ, byâ, beâr* ш., мн. ч. *beârâ* и *beârân* ‘брат’ (Ефимов 2009: 177).

Сложный случай. Г. Моргенштерне справедливо замечает, что эту слово проблематично возводить напрямую к **brâtar-* (IFL I: 42), поэтому речь может идти о перестроенной форме, в которой конечное ударение стало восприниматься как окситонеза.

7. *b(o)ôta* п., *buța* ш., мн. ч. *-ân* ‘куст, кустарник; сорняки; хворост’ (Ефимов 2009: 178).

Дардское или индоарийское заимствование, ср. Т 9297 **bûta-* ‘кустарник, растение’ (Turner 1966: 527).

Г. Моргенштерне отмечает ударение на первом слоге для варианта М *bûta* ‘plant, shrub’ (IFL I: 243), которое является персидским заимствованием, ср. дари *bota* ‘куст, кустарник’ (Киселева-Миколайчик 1978: 99).

Подчиняется правилу для заимствованных основ с гласным исходом.

8. *čiz*, мн. ч. *-ân* ‘предмет, вещь’ (Ефимов 2009: 184).

Персидское заимствование, ср. дари *čiz* ‘вещь, предмет’ (Киселева-Миколайчик 1978: 296).

Ударное окончание не соответствует правилу для односложных словоформ с одним согласным в коде; но ср. *mēz*, pl. *mēzân* и *mēzân* ‘стол’ с ударным вариантом окончания.

9. *čur* п., ш., *čur* п., ш., мн. ч. *-ân* ‘вор’ (Ефимов 2009: 184).

Ударение подтверждается примерами из текстов, ср. *če čurân ná-bara* ‘чтобы не унесли воры’ (Ефимов 2009: 140). Дардское заимствование, ср. пашаи *čūr* ‘вор’ (IFL I: 246; Turner 1966: 269).

Ударение закономерно, одно из исключений.

10. *danân*, мн. ч. *-ân* ‘зуб’ (Ефимов 2009: 185).

Ошибка в словарной статье: судя по имеющимся примерам, на самом деле имеет безударное окончание *-ân*. Ср. *bân wa danânân mēn šoŋd-tar sēn* ‘язык и зубы находятся во рту’ (Ефимов 2009: 162). Также именно такая форма множественного числа отмечена у Г. Моргенштерне в виде *danânân* (IFL I: 162, 212, 219)

Продолжает праир. **dantâna-*, pl. **dantânânâm*; такая основа достаточно широко представлена в иранских языках (ЭСИЯ-2: 329–330)⁵. Тем не менее, это однозначно унаследованная основа, а не персидское заимствование, потому что в ней происходит характерный для парачи фонетический переход **-nt- > n* (IFL I: 37). В некоторых дардских языках тоже засвидетельствован такой переход, но заимствование из них слова со значением ‘зуб’ маловероятно.

Подчиняется правилу для баритонированных имен.

11. *dar(r)á*, мн. ч. *dar(r)ân* ‘ущелье, долина’ (Ефимов 2009: 185).

В парачи заимствование из пушту или дари, ср. пшт. *dar(r)á* ‘долина; ущелье, горный проход’ (Асланов 1985: 407), дари *dara* ‘ущелье, каньон; горный проход; долина’ (Киселева-Миколайчик 1978: 356).

12. *dâr, dâr* ш., мн. ч. *-ân* ‘гора, холм’ (Ефимов 2009: 187).

Дардское заимствование, ср. пашаи *dhâr* ‘холм’ (IFL I: 248; Turner 1966: 388).

Ударение на окончании подтверждается примерами из текстов, ср. *hendukošeká dârân-tar* ‘через горы Гиндукуша’ (Ефимов 2009: 137).

Данная основа выпадает из установленного распределения.

13. *espâr*, мн. ч. *-ân* ‘деревянная соха с железным лезвием’ (Ефимов 2009: 193).

Заимствование из дари, ср. дари *espâr* ‘деревянная соха с железным лезвием’ (Киселева-Миколайчик 1978: 40).

Ударение на основе в форме множественного числа нельзя доказать примерами из текстов, но правилам она не противоречит.

⁵ Формы парачи в словаре не отмечены.

14. *éstēč*, мн. ч. *-ān* ‘звезда’ (Ефимов 2009: 193).

Ср. *mahōk estēcān-tar gāṇḍ-ā* ‘луна больше звезд’ (Ефимов 2009: 132), но у другого информанта *mahōk az éstēcān gāṇḍ-a* ‘луна больше звезд’ (Ефимов 2009: 154).

Надо отметить, что сложно установить, характеризовалось ли имя **h₂ster-* подвижностью или неподвижностью ударения в праязыке: у корневого имени *star-* ‘звезда’ в Ригведе ударение на основе, InstrPl *stṛbhis*, но более поздняя основа *tārakā-* ‘звезда’ имеет неожиданную баритонезу (а не окситонезу по контрасту). Соответственно, ударение в иранской праформе **stārčī-* ‘звезда’ нельзя проследить с уверенностью.

Все же видно, что форма pl. *éstēcān* образуется от варианта *éstēč* с начальным ударением.

15. *eštén*, мн. ч. *-ān* ‘козленок’, точнее – ‘козочка возрастом до одного года’ (Ефимов 2009: 194; IFL I: 237).

Продолжает праформу **fštānyā-* или **fštānī-*, окситонеза по контрасту с **fštāna-* ‘женская грудь’ (ЭСИЯ-3: 88–89). На окситонезу в имени женского рода от этой основы также указывают др.-инд. *viśvá-psnya* ‘alle Nahrung enthaltend, allnährend’ с древней нулевой ступенью, заменившейся в рассматриваемом иранском производном на продленную.

16. *g(‘)inō*, мн. ч. *g(‘)inōān* п., *g(‘)inān* ш., г. ‘волос, волосик’ (Ефимов 2009: 195).

Для основы **gawna-* может быть установлена окситонеза на основании др.-инд. *guṇā-* ‘нить; волокно’ и пшт. *ḡūṇay* ‘волос (на теле); кожа; пора’ < **gāwnaka-* с ударением по контрасту (ЭСИЯ-3: 240–245).

Возможно, форма *g(‘)inō* с ударением на первый слог является как раз продолжением производной баритонированной основы **gāwnaka-*. Соответственно, множественное число с ударением на основе может быть обусловлено изначальной баритонезой.

17. *gol*, мн. ч. *-ān* ‘цветок’ (Ефимов 2009: 196)

Пример из текста: *bedun-e ō golān-i, če ma yosānān bikāla hēn* ‘за исключением тех цветов, которые находятся в домах’ (Ефимов 2009: 139–140).

Персидское заимствование, ср. дари *gol* ‘цветок’ (Киселева-Миколайчик 1978: 608).

Исключение из правил для заимствованных односложных основ с исходом на согласный.

18. *gu*, мн. ч. *guān* п. ‘корова’, также *guḡān* (Ефимов 2009: 39, 196).

По всей видимости, данная основа имеет ударение на окончании под влиянием характерного для названий животных суффикса множественного числа *-ḡān*. Кроме того, можно думать об ударении на окончании основ с гласным исходом.

19. *yasō*, мн. ч. *yasā* п., *yasān* п. ‘теленки’ (Ефимов 2009: 197).

Этимологически связано с др.-инд. *vatsā-* ‘теленки, детеныши животного’. Если указывает на изначальную окситонезу, имеет закономерное ударение на окончании во множественном числе.

20. *haḍ*, мн. ч. *-ān* ‘кость’ (Ефимов 2009: 199).

Г. Моргенштерне зарегистрировал формы *haḍḍ*, *haṭ* и *hāṭ* (IFL I: 258).

Заимствование из индоарийских языков, ср. лахнда *haḍḍ* ‘кость’ (IFL I: 258; Turner 1966: 807).

Ударение незакономерно. Может быть связано с исходом на геминату.

21. *ǰā*, *ǰāy*, мн. ч. *-ān* ‘место, местность’ (Ефимов 2009: 205).

Заимствование из персидского, ср. дари *ǰāy* ‘место, местность’ (Киселева-Миколайчик 1978: 242).

Подчиняется правилу для заимствованных основ, заканчивающихся гласным.

22. *kala* (пачаганский диалект), *kal* (гочуланский диалект), *kalla*, мн. ч. *-ān* ‘голова’ (Ефимов 2009: 206).

Словарная статья противоречит данным в очерке и грамматике, т. е. случаю 16. *kalá*, pl. *kaláân* ‘голова’ из списка слов с безударным окончанием множественного числа *-ân*. Если именно такое место ударения верно, то оно закономерно для заимствованных основ с гласным исходом. Впрочем, имеющихся материалов недостаточно для выводов.

23. *kâla*, *kâlâ*, мн. ч. *-ân* ‘вещи, утварь; одежда, белье’ (Ефимов 2009: 208).

Персидское заимствование, ср. дари *kâlâ* ‘вещи, утварь; одежда, белье’ (Киселева-Миколайчик 1978: 575).

Подчиняется правилу для заимствованных основ, заканчивающихся гласным.

24. *kôr*, ш. *kôr*, мн. ч. *-ân* ‘осел’ (Ефимов 2009: 209).

Вокализм указывает на баритонезу **xâra*- ‘осел’, хотя пшт. *xra* ‘ослица’ (Асланов 1985: 375) косвенно указывает на окситонезу.

Наиболее значимое исключение, хотя его значение уменьшается из-за того, что невозможно определенно установить ударение в форме множественного числа.

25. *kôdak*, мн. ч. *-ân* ‘дитя, ребенок’ (Ефимов 2009: 210).

Персидское заимствование, ср. дари *kudak* ‘ребенок; дитя, младенец’ (Киселева-Миколайчик 1978: 575).

Безударное окончание для подобной двусложной основы характерно.

26. *kor*, мн. ч. *-ân* ‘пещера’ (Ефимов 2009: 210).

Этимология неясна. Возможно, видоизмененное дари *γâr* ‘пещера, грот’ (Киселева-Миколайчик 1978: 527).

Ударение незакономерно, одно из исключений.

27. *kory*, мн. ч. *-ân* ‘курица’ (Ефимов 2009: 210).

Унаследованное слово с праформой **kr̥ka-*, **kr̥kâ-* f., *kr̥kĩ-* f., для которого невозможно однозначно установить ударение, но орм. лог. *kerži*, *kirži*, орм. кан. *kirzi* ‘курица; куры’ (ЭСИЯ-4: 398–401) могут указывать на окситонезу.

28. *kuka* ш. ‘сапожный гвоздь’ (Ефимов 2009: 211), pl. М *kūkân* ‘железные гвозди’ (IFL I: 265).

Индоарийское заимствование, ср. лахнда *kōkā* ‘гвоздь, гвоздик’ (IFL I: 265; Turner 1966: 181). У Г. Моргенштерне ошибочно реконструирована форма единственного числа *kūk* (IFL I: 265).

Рассматриваемое слово закономерно имеет ударение на форманте в форме множественного числа.

29. *maktabi*, мн. ч. *-ân* ‘школьник’ (Ефимов 2009: 213).

Пример из текста: *maktabiyân-astan xô-pen bârta* ‘вели с собой детей-школьников’ (Ефимов 2009: 120).

Подчиняется правилу для многосложных заимствованных основ, заканчивающихся гласным.

30. *mardom*, мн. ч. *-ân* ‘люди, народ’ (Ефимов 2009: 214).

Персидское заимствование, ср. дари *mardom* ‘люди; народ’ (Киселева-Миколайчик 1978: 647). Пример из текста: *mardomân jârî* ‘люди сказали’ (Ефимов 2009: 141).

Вероятно, конечное ударение обусловлено конечным ударением самого слова; более того, множественное число в самом дари – *mardomân*.

31. *mâl* ‘имущество, добро; скот’ (мн. ч. *-ân*) (Ефимов 2009: 215).

Пример из текста: *mâlân-ê γory je bēn* ‘волк зарезал (/ убил) его скот’ (Ефимов 2009: 152). Персидское заимствование, ср. дари *mâl* ‘имущество, добро; товар; скот’ (Киселева-Миколайчик 1978: 627).

Слово подчиняется правилам для заимствованных односложных основ с согласным исходом и вокализмом *â*.

32. *mâlu*, мн. ч. *mâluγâr*, *mâwol*, мн. ч. *-ân* ‘дядя (со стороны матери)’ (Ефимов 2009: 215).

Пример из текста: *manân mâwolânâ byâ* ‘брат моих дядей’ (Ефимов 2009: 144).

Конечное ударение ожидаемо, особенно ввиду формы *mâluγâr*.

33. *mēr*, мн. ч. *-ân* (а также *mērîna*) ‘человек; мужчина’ (Ефимов 2009: 216).

Продолжает баритонированную праформу **mârtya-*, ср. др.-инд. *mârtya-*, *mârtya-* ‘смертный; человек’ (ЭСИЯ-5: 215–216). Но может отражать праиранский окситонированный вариант, ср. пшт. *mērô* ‘муж, супруг; храбрый, мужественный человек’ (Дыбо 1974: 87). Также не исключено влияние ударного варианта множественного числа *-îna* < пшт. *-îna* ?

34. *morčē*, мн. ч. *-ân* ‘воробей’ (Ефимов 2009: 218).

Должно восходить к **mṛga-čī-ká-* с окситонезой, но в таком случае ударение должно было быть на окончании. Исключение из правил.

35. *nērōkōsp*, мн. ч. *-ân* (Ефимов 2009: 220).

Ударение *-ân* вслед за *ōsprân* ‘кони’.

36. *panân*, мн. ч. *-ân* ‘дорога, путь’ (Ефимов 2009: 225).

Праир. **pantānam*. Закономерное ударение на основе при исходной баритонезе.

37. *pošta*, мн. ч. *-(w)ân* ‘холм’ (Ефимов 2009: 230).

Персидское заимствование, ср. дари *pošta* ‘торка, холм, курган; куча, груда, насыпь, вал, бугор’ (Киселева-Миколайчик 1978: 166).

Подчиняется правилу для двусложных заимствованных основ, заканчивающихся гласным.

38. *rafiq*, мн. ч. *-ân* ‘товарищ, приятель’ (Ефимов 2009: 231).

Арабо-персидское заимствование, ср. дари *rafiq*, мн. ч. *-rofaqâ* ‘товарищ, друг; спутник, попутчик’ (Киселева-Миколайчик 1978: 405).

Незакономерное ударение на окончании, исключение из правил.

39. *setâra*, мн. ч. *-ân* ‘звезда’ (Ефимов 2009: 235).

Персидское заимствование, ср. дари *setâra* ‘звезда, планета’ (Киселева-Миколайчик 1978: 438).

Подчиняется правилу для многосложных заимствованных основ, заканчивающихся гласным.

40. *šahr*, *šâr*, мн. ч. *-ân* ‘город; страна’ (Ефимов 2009: 237).

Персидское заимствование, ср. дари *šahr* ‘город’ (Киселева-Миколайчик 1978: 489).

Ударение на окончании неожиданно. Не исключено, что можно уподобить словам с колебанием в ударении, которые заканчиваются сочетанием согласных.

41. *waxt*, *waqt*, мн. ч. *-ân* ‘время, пора, промежуток времени’ (Ефимов 2009: 245).

Пример из текста: *howî waxtân-tar* ‘в те самые (былые) времена’ (Ефимов 2009: 150). Арабо-персидское заимствование, ср. дари *waqt* ‘время, промежуток времени; рано’ (Киселева-Миколайчик 1978: 724–725).

Ударение на окончании незакономерно. Не исключено, что можно уподобить словам с колебанием в ударении, которые заканчиваются сочетанием согласных, ср. 40. *šahr*, *šâr*.

42. *zâyu*, мн. ч. *zâγân*, *zâhâyu* п. ‘сын, дитя’ (Ефимов 2009: 252).

Унаследованная основа, праформа вроде **zâka-* реконструируется для согд. *z’k* ‘ребенок’, пшт. *zoy* ‘сын; детеныш’, белуджск. *zâg* ‘сын’ (NEVP: 103). Нельзя установить, была ли данная праформа баритонированной или окситонированной. Возможно, праир. **zâkâ-*.

Рассмотрение менее надежных случаев показывает, что и они в большинстве своем подчиняются установленному распределению. Следует перечислить исключения для унаследованных и заимствованных основ.

Исключения среди унаследованных основ: *ōsp*, мн. ч. *ōspān/ asp, aspān* ‘лошадь’; *beā, byā, beār* ш., мн. ч. *beārā* и *beārān* ‘брат’; *kōr*, ш. *kōr*, мн. ч. *-ān* ‘осел’; *mēr*, мн. ч. *-ān*, а также *mērīna* (незакономерное ударное окончание множественного числа); *morčē*, мн. ч. *-ān* ‘воробей’ (незакономерная ударность основы во множественном числе).

Как минимум в трех случаях незакономерное ударение может объясняться перестройкой формы слова. Кроме того, не исключены ошибки в передаче места ударения в словарных статьях, не все случаи удается проверить.

Исключения среди заимствованных основ: *čiz*, мн. ч. *-ān* ‘предмет, вещь’; *čur* п., ш., *čur* п., ш., мн. ч. *-ān* ‘вор’; *dār, dār* ш., мн. ч. *-ān* ‘гора, холм’; *gol*, мн. ч. *-ān* ‘цветок’; *hađ*, мн. ч. *-ān* ‘кость’; *kor*, мн. ч. *-ān* ‘пещера’; *rafiq*, мн. ч. *-ān* ‘товарищ, приятель’; *šahr, šār*, мн. ч. *-ān* ‘город; страна’; *waxt, waqt*, мн. ч. *-ān* ‘время, пора, промежуток времени’ (незакономерное ударное окончание множественного числа).

Обращает на себя внимание, что исключения среди заимствованных слов заканчиваются в единственном числе на *-z, -r, -l*, нехарактерные для собственных слов парачи *-đ* и *-q* и на группы согласных. Непонятно, почему множественное число именно таких слов могло бы тяготеть к ударности окончания, но определенная закономерность, пусть и труднообъяснимая, прослеживается.

В заключение я повторяю формулировки правил ударения в формах множественном числе с окончанием *-ān*:

1. В унаследованных основах в зависимости от того, относилась ли она к баритонезе или окситонезе в праязыке, окончание *-ān* соответственно имеет безударный или ударный вариант. Это правило можно продемонстрировать следующей таблицей (некоторые сомнительные в отношении праязыкового ударения случаи не включены)⁶.

Баритонеза	Окситонеза
<i>dōst</i> , pl. <i>dōstān</i> ‘рука’ < * <i>dāsta-</i> / * <i>zāsta-</i>	<i>xi</i> , pl. <i>xiyān</i> ‘сестра’ < * <i>hwāhī-</i>
<i>bōr</i> , pl. <i>bōrān</i> ‘дверь’ < * <i>dwār-</i> / * <i>dwār-</i>	<i>jinj</i> ~ <i>jinč</i> , pl. <i>jinjān</i> ~ <i>jinčān</i> ‘женщина’ < * <i>janičī-</i>
<i>gu</i> , pl. <i>gūšān</i> ‘ухо’ < * <i>gāwša-</i>	<i>net</i> , pl. <i>netān</i> ‘внучка’ < * <i>naptī-</i>
<i>mox</i> , pl. <i>mōxān</i> ‘лицо; щека’ < * <i>mīxa-</i>	<i>poš</i> , pl. <i>pošān</i> ‘сын’ < * <i>putrá-</i>
<i>naḡōn</i> , pl. <i>naḡōnān</i> ‘хлеб’ < * <i>nikāna-</i>	<i>dot</i> , pl. <i>dotān</i> ‘дочь’ < * <i>duxtār-</i>
<i>guwān</i> , pl. <i>guwānān</i> ‘вымя’ < * <i>gaw-dāna-</i> или * <i>gaw-pāna-</i> ?	<i>boj</i> , pl. <i>bojān</i> ‘коза’ < * <i>būzā-</i>
<i>tōx</i> , pl. <i>tōxān</i> ‘козел’ < * <i>tāxa-</i> / * <i>tāka-</i> ?	<i>γos</i> , pl. <i>γosān</i> ~ <i>γosānān</i> ‘дом’ < * <i>wīś-</i> , pl. * <i>wīśānām</i>
<i>danān</i> , pl. <i>-ān</i> ‘зуб’ < * <i>dantāna-</i>	<i>bīn</i> , pl. <i>bīnān</i> ~ <i>bīnānān</i> ‘дерево’ < * <i>bṛzn(y)á-</i>
<i>panān</i> , pl. <i>-ān</i> ‘дорога, путь’ < * <i>pantānam</i>	<i>ešén</i> , pl. <i>-ān</i> ‘козочка возрастом до одного года’ < * <i>fštānyā-</i> или * <i>fštānī-</i>
	<i>γasó</i> , pl. <i>γasá</i> ~ <i>γasān</i> ‘теленочек’ < * <i>watsá-</i> ?

2. Во множественном числе вида *-ān* на основе имеют окончания одно- и двусложные заимствованные основы с исходом на согласный вне зависимости от места ударения.

3. Ударение на окончании *-ān* имеют одно-, дву- и трехсложные заимствованные и некоторые унаследованные основы, заканчивающиеся ударным гласным.

4. Колебания в месте ударения или ударение на окончании во множественном числе с формантом *-ān* имеют слова, которые заканчиваются в единственном числе на *-z, -r, -l*, нехарактерные для собственных слов парачи *-đ* и *-q* и на группы согласных.

⁶ Это основы *merzā*, pl. *merzān* ‘борона; лопатка, мастерок’, *bān*, pl. *bānān* ‘язык’, *a(y)ir*, pl. *a(y)irān* ‘облако’, *pā*, pl. *pān* ~ *pānān* ‘нога’ и т. д.

Эти правила показывают, что парачи, хотя и утратил различия баритонезы и окситонезы в большинстве непроизводных и производных имен в единственном числе, во множественном с формантом *-ān* последовательно сохраняет древнее распределение.

Литература

- Абаев, В. И. 1958–1995. *Историко-этимологический словарь осетинского языка. В 4-х томах.* Москва / Ленинград: Издательство АН СССР.
- Асланов, М. Г. 1985. *Афганско-русский словарь (пушту).* Москва: Советская энциклопедия.
- Дыбо, В. А. 1972. О рефлексах индоевропейского ударения в индоиранских языках. В сб.: С. Б. Бернштейн (ред.). *Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков (12–14 декабря): Предварительные материалы.* Москва: Наука.
- Дыбо, В. А. 1974. Афганское ударение и его значение для индоевропейской и балтославянской акцентологии. I. Именная акцентуация. В сб.: Т. М. Судник (ред.). *Балтославянские исследования: 67–105.* Москва: Наука.
- Дыбо, В. А. 1989. Афганское ударение и его значение для индоевропейской и балтославянской акцентологии. II. Глагольная акцентуация. В сб.: Н. И. Толстой (ред.). *Славянский и балканский фольклор. Просодия: Сборник статей: 106–147.* Москва: Наука.
- Дыбо, В. А. 2007. Рефлексы индоевропейских слоговых долгих плавных и носовых в кельто-италийских языках (в защиту концепции Х. Педерсена). В сб.: И. С. Смирнов (ред.). *Аспекты компаративистики 2: 11–27.* Москва: Издательство РГГУ.
- Дыбо, В. А. 2014. Балто-славянская акцентная система и итоги индоевропейской акцентологической реконструкции. В сб.: *IWoBA VIII. Реферати VIII међународног скупа о балтословенској акцентологији (Славистички зборник. Нова серија, књига I): 17–94.* Нови Сад.
- Елизаренкова, Т. Я. 1982. *Грамматика ведийского языка.* Москва: Наука.
- Ефимов, В. А. 1979. О некоторых архаических чертах морфологической структуры презенса в ормури. В сб.: *Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка. (Душанбе. 12–15 ноября 1979 г.). Тезисы докладов и сообщений.* Москва: Издательство АН СССР.
- Ефимов, В. А. 1985. Ударение в языке ормури. В сб.: *Иранское языкознание. Ежегодник 1981: 31–64.* Москва: Наука.
- Ефимов, В. А. 1986. *Язык ормури в синхронном и историческом освещении.* Москва: Наука.
- Ефимов, В. А. 1997. Язык парачи. В сб.: В. А. Ефимов (ред.). *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки. Северо-западная группа II: 419–560.* Москва: Наука.
- Ефимов, В. А. 2009. *Язык парачи.* Москва: Восточная литература.
- Киселева, Л. Н., В. И. Миколайчик. 1978. *Дари-русский словарь.* Москва: Русский язык.
- Стеблин-Каменский, И. М. 1999. *Этимологический словарь ваханского языка.* Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение.

References

- Abaev, V. I. 1958–1995. *Istoriko-ètimologičeskij slovar' osetinskogo jazyka. V 4-x tomah [Historical-Etymological Dictionary of Ossetic. In 4 volumes].* Moskva-Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Aslanov, M. G. 1985. *Afgansko-russkij slovar (pushtu) [Afghan-Russian Dictionary (Pashto)].* Moskva: Sovetskaja enciklopedija.
- Cantera, Alberto. 2001. Die Behandlung der indogermanischen Lautfolge *(C)RHC- im Iranischen. *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft* 61: 1–27.
- CDIAL = Turner, Ralph L. 1962–1985. *A comparative dictionary of Indo-Aryan languages.* London: Oxford University Press.
- Cheung, Johnny. 2002. *Studies in the historical development of the Ossetic vocalism.* Wiesbaden: Reichert.
- Cheung, Johnny. 2010. Selected Pashto problems. I: The accent in Pashto. *Persica* 23: 109–121.
- Cheung, Johnny. 2011. Selected Pashto problems II. Historical phonology 1: On vocalism and etyma. *Iran and Caucasus* 15: 169–205.

- Dybo, V. A. 1972. O refleksax indoevropskogo udarenija v indoiranskix jazykax. In: S. B. Bernshtein (ed.). *Konferencija po sravnitel'no-istoricheskoj grammatike indoevropskix jazykov (12–14 dekabnja): Predvaritel'nye materialy*. Moskva: Nauka.
- Dybo, V. A. 1974. Afganskoe udarenie i ego znachenie dl'a indoevropskoj i baltoslavjanskoj akcentologii. I. Imennaja akcentuacija. In: T. M. Sudnik (ed.). *Baltoslavjanskije issledovanija*: 67–105. Moskva: Nauka.
- Dybo, V. A. 1989. Afganskoe udarenie i ego znachenie dl'a indoevropskoj i baltoslavjanskoj akcentologii. II. Glagol'naja akcentuacija. In: N. I. Tolstoj (ed.). *Slav'anskij i balkanskij fol'klor. Prosodija: Sbornik statej*: 106–147. Moskva: Nauka.
- Dybo, V. A. 2007. Refleksy indoevropskix slogovyx dolgix plavnyx i nosovyx v kel'to-italijskix jazykax (V zashchitu koncepcii H. Pedersena). In: I. S. Smirnov (ed.). *Aspekty komparativistiki 2*: 11–27. Moskva: RSUH Publishers.
- Dybo, V. A. 2014. Balto-slav'anskaja akcentnaja sistema i itogi indoevropskoj akcentologicheskoj rekonstrukcii. In: *IWoBA VIII. Referati VIII međunarodnog skupa o baltoslovenskoj akcentologiji (Slavistichki zbornik. Nova serija, kn'iga I)*: 17–94. Novi Sad.
- Elizarenkova, T. Ya. 1982. *Grammatika vedijskogo jazyka*. Moskva: Nauka.
- Efimov, V. A. 1979. O nekotoryx arxaicheskix chertax morfoložičeskoj struktury prezensa v ormuri. In: *Soveshčanie po obščim voprosam dialektologii i istorii jazyka (Dushanbe. 12–15 nojabr'a 1979 g.)*. Tezisy dokladov i soobščenenij. Moskva: Izdatel'stvo AN SSSR.
- Efimov, V. A. 1985. Udarenie v jazyke ormuri. In: *Iranskoe jazykoznanie. Ezhegodnik-1981*: 31–64. Moskva: Nauka.
- Efimov, V. A. 1986. *Jazyk ormuri v sinxronnom i istoričeskom osvješčenii*. Moskva: Nauka.
- Efimov, V. A. 1997. Jazyk parachi. In: V. A. Efimov (ed.). *Osnovy iranskogo jazykoznanija. Novoiranskije jazyki. Severo-zapadnaja grupa II*: 419–560. Moskva: Nauka.
- Efimov, V. A. 2009. *Jazyk parachi*. Moskva: Vostochnaja literatura.
- ESIJ = Rastorgueva, V. S., D. I. Edel'man. 2000–. *Ètimologičeskij slovar' iranskix jazykov* [Etymological dictionary of the Iranian languages]. Moskva: Vostochnaja literatura RAN.
- EWAia = Mayrhofer, Manfred. 1992–2001. *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. I–III Bde*. Heidelberg: Universitätsverlag Winter.
- IEW = Pokorny, Julius. 1959. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern: French & European Publications.
- IIFL I = Morgenstierne, Georg. 1929. *Indo-Iranian Frontier Languages. Vol. I: Parachi and Ormuri*. Oslo: Institut for Sammenlignende Kulturforskning.
- IIFL II = Morgenstierne, Georg. 1938. *Indo-Iranian Frontier Languages. Vol. II: Iranian Pamir languages (Yidgha-Munji, Sanglechi-Ishkashmi and Wakhi)*. Oslo: Institut for Sammenlignende Kulturforskning.
- Kiseleva, L. N., V. I. Mikolajčik. 1978. *Dari-russkij slovar'*. Moskva: Russkij jazyk.
- Morgenstierne, Georg. 1942. Archaisms and innovations in Pashto Morphology. *Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap* 12: 88–114.
- Morgenstierne, Georg. 1973. Traces of Indo-European Accentuation in Pashto? *Norwegian Journal of Linguistics (formerly Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap)* 27: 61–65.
- Morgenstierne, Georg. 1983. Bemerkungen zum Wort-Akzent in den Gathas und im Paschto. *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft* 42: 167–175.
- NEVP = Morgenstierne, Georg. 2003. *A new etymological vocabulary of Pashto. Compiled and edited by J. Elfenbein, D. N. MacKenzie and Nicholas Sims-Williams*. Wiesbaden: Reichert.
- Steblin-Kamenskij, I. M. 1999. *Ètimologičeskij slovar' vaxanskogo jazyka*. St.-Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie.
- Whitney, William Dwight. 1879. *Sanskrit Grammar Including Both the Classical Language and the Older Dialects of Veda and Brahmana*. Leipzig: Breitkopf und Härtel / Boston: Ginn, Heath & Company.

Artem Trofimov. Stress position of nominal plurals in *-ân* in the Parachi language and its connection with the accent in Proto-Iranian

It has been established that Parachi, a minor Iranian language, partially preserves reflexes of the Proto-Iranian accent. V. A. Efimov noticed a peculiar accentual distribution in Parachi for plural forms of nouns with the formant *-ân*: a number of such nouns show stress on the stem, while others prefer a stressed ending. This distribution is characteristic of both inherited and

borrowed nouns. In this paper, based on analysis of available Parachi data, I assume that this distribution corresponds to the features of Proto-Iranian: inherited stems reflecting Proto-Iranian barytona are root-stressed, while nouns continuing oxytona have plural forms with stress on the ending *-ân*, respectively. It is more difficult to establish rules that govern borrowings, although there is a tendency for words ending in a consonant to feature root stress in plural, while borrowed nouns ending in a stressed vowel obtain the stress in the plural ending *-ân*. My analysis allows to identify 9 inherited Parachi words with root stress on plural forms continuing old barytona, and 10 words with ending stress on plural forms continuing old oxytona. Thus, despite loss of any traces of Proto-Iranian stress in singular forms, Parachi nouns may still preserve them in corresponding plural formations.

Keywords: Parachi language, Proto-Iranian stress, oxytona, barytona, accentual distribution.